

Методологические проблемы доказательного описания психологических и социальных практик

Гарифулина Э.Ш.

Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4306-3899>, e-mail: egarifulina@timchenkofoundation.org

Подушкина Т.Г.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5966-8342>, e-mail: podushkinatg@mgppu.ru

Омельченко А.С.

Благотворительный фонд «Дети наши» (БФ «Дети наши»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0028-4440>, e-mail: agerasimova22@yandex.ru

В статье предложен анализ специфики становления доказательного подхода в социальной сфере в нашей стране. Длительное отсутствие диалога между социальными науками и социальными практиками определяет большую часть методологических проблем, возникающих при сборе доказательной базы и описании социальной практики в доказательном ключе. Весь объем проблем разделяется авторами на два крупных блока: программный дизайн и доказательный дизайн, тесно связанные друг с другом. В статье рассматриваются методологические сложности с выделением комплекса необходимых и достаточных для изменения действий, описанием механизма, составляющего суть интервенции, а также сложности научно-теоретического обоснования практики и сложности, связанные с процессом сбора и анализа эмпирических данных относительно влияния интервенции на благополучателей. В заключении делается вывод, что внедрение в социальную сферу доказательного подхода становится важным условием для объединения социальной науки и социальной практики.

Ключевые слова: доказательный подход, методологические проблемы, социальная наука, социальная практика, реестр доказательных практик, оценка проектов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации № 073-00041-21-03 от 11.06.2021 «Разработка методологических оснований для формирования единого национального подхода к определению социальных (в том числе образовательных) практик с доказанной эффективностью».

Гарифулина Э.Ш., Подушкина Т.Г., Омельченко А.С.
Методологические проблемы доказательного
описания психологических и социальных практик.
Психолого-педагогические исследования. 2021.
Том 13. № 4. С. 177–188.

Garifulina E.Sh., Podushkina T.G., Omelchenko A.S.
Methodological Problems of Evidence-Based Description
of Psychological and Social Practices.
Psychological-Educational Studies, 2021. Vol. 13, no. 4,
pp. 177–188.

Для цитаты: Гарифулина Э.Ш., Подушкина Т.Г., Омельченко А.С. Методологические проблемы доказательного описания психологических и социальных практик [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2021. Том 13. № 4. С. 177–188. DOI:10.17759/psyedu.2021130411

Methodological Problems of Evidence-Based Description of Psychological and Social Practices

Elvira Sh. Garifulina

Elena & Gennady Timchenko Foundation, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4306-3899>, e-mail: egarifulina@timchenkofoundation.org

Tatyana G. Podushkina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5966-8342>, e-mail: poduschkina@mail.ru

Alexandra S. Omelchenko

Charity found «Our children», Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0028-4440>, e-mail: agerasimova22@yandex.ru

The article offers an analysis of the specifics of the formation of the evidence-based approach in our country. Long-term lack of evidence-based social practices. The entire volume of problems is divided by the authors into two large blocks: a software interface connected to each other. The article examines methodological methods of complexity with the identification of a set of actions necessary and sufficient for changes, a description of the mechanism that constitutes the essence of the intervention, the scientific and theoretical justification of the practice and the complexity associated with the process of collecting and analyzing empirical data on intervention on safe ones. In conclusion, it is concluded that the introduction of an evidence-based approach into the social sphere is an important condition for social practice.

Keywords: evidence-based approach, methodological problems, social science, social practice, register of evidence-based practices, project evaluation.

Funding. The article was prepared within the framework of the state task of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 073-00041-21-03 dated 11.06.2021 "Development of methodological bases for the formation of a unified national approach to the definition of social (including educational) practices with proven effectiveness".

For citation: Garifulina E.Sh., Podushkina T.G., Omelchenko A.S. Methodological Problems of Evidence-Based Description of Psychological and Social Practices. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*, 2021. Vol. 13, no. 4, pp. 177–188. DOI:10.17759/psyedu.2021130411 (In Russ.).

Введение

Одной из важнейших новаций, повлиявшей на развитие психологических и социальных практик в последние три десятилетия, стало внедрение в социальную сферу доказательного подхода. Как отмечается в ряде публикаций [10; 19], формирование и развитие доказательного подхода можно оценивать как парадигмальный сдвиг в области понимания и оказания психологической и социальной помощи. Его главная характеристика – тесная взаимосвязь сотрудничающих друг с другом научно обоснованной практики и практико-ориентированной науки [20].

Доказательный подход (далее – ДП), основанный на применении исследовательских методов для обоснования эффективности социальных практик, открыл новую перспективу развития социальной политики в сфере детства [2]. Сегодня во многих развитых странах отбор и масштабирование программ и практик социальной и психологической помощи осуществляется с опорой на данные об их эффективности и безопасности, полученные в научных исследованиях [11; 12; 14].

Общий вектор развития психосоциальных практик в доказательном ключе наблюдается и в нашей стране. В этой статье мы рассмотрим методологические проблемы доказательного описания социальных практик в социокультурном и междисциплинарном контексте, влияющем на становление ДП в нашей стране.

Подходы к отбору лучших практик, сложившиеся в нашей стране, до сих пор не предполагают, что их разработчики должны представить убедительные свидетельства относительно результативности предлагаемых ими инициатив. С нашей точки зрения, такая ситуация сложилась не случайно: долгое время социальные науки и социальная практика в России существовали как две почти не пересекающиеся друг с другом области. Эти особенности сосуществования «академиков» и «практиков» находят отражение и в том, каким образом те и другие сейчас понимают, принимают и применяют идеи доказательного подхода.

Важным фактором, который также необходимо учитывать при рассмотрении перспектив применения инструментов доказательного обоснования в социальной сфере, является то, что доказательный подход обладает серьезным управленческим потенциалом как на микро, так и на макроуровне, обеспечивая качество социально-психологической помощи: ее результативность, безопасность, отсутствие негативных эффектов и т.п. В мировой практике ДП в социальной сфере развивался в тесной связи со становлением представлений о возможностях управления социальными изменениями и практикой социального проектирования. Сегодня ООН и его институты призывают обратить особое внимание на доказательное проектирование как механизм повышения эффективности программ, решающих самые болезненные социальные проблемы [18].

Под доказательным проектированием принято понимать: 1) соблюдение правил программного дизайна и стандартов его реализации и 2) планирование деятельности на основе анализа существующих доказательств ее эффективности для достижения позитивных социальных изменений [28]. Из определения видно, что понятие двусоставное и кроме практики, основанной на доказательствах (evidence-based practice), подразумевает также проектный подход к дизайну программ (program-planning frameworks) [15].

Социальное проектирование – сравнительно молодая для нашей страны область и знакомство отечественных специалистов с ее теоретическим и методическим аппаратом пока идет фрагментарно. За последнее десятилетие, осваивая методы социального проектирования, многие российские специалисты уже научились мыслить в логике постановки целей и достижения социальных результатов. Однако применение новой методологической рамки в процессе доказательного обоснования практик по-прежнему является ресурсоемкой задачей для профессионалов социальной сферы.

Отсутствие в течение длительного времени диалога между представителями академической науки, социально-психологической практики и государственного управления привело к наличию ряда социально, культурно и исторически обусловленных факторов, влияющих на становление доказательной парадигмы в нашей стране. В попытке выйти за рамки междисциплинарной дилеммы при внедрении ДП в социальной сфере и обеспечить общие методологические основы в понимании «доказательности» представителями межотраслевой экспертной группы в 2018 году был разработан первый вариант методологии доказательного обоснования социальных практик в нашей стране (Стандарт доказательности практик в сфере детства). По сути, данный документ очертил возможную область междисциплинарного сотрудничества науки, практики и управления, направленного на систематическое обоснование эффективности социально-психологической помощи путем обращения к научным теориям и данным исследований.

В качестве единицы доказательного анализа в Стандарте было предложено рассматривать «социальную практику», задавая тем самым профессиональную полемику относительно границ понятия «социальная практика»: что собой представляет социальная практика, к какой области знания/профессиональной отрасли она может относиться (социальная помощь, психологическое консультирование, психотерапия, здравоохранение, психологическая коррекция, реабилитация и пр.); есть ли ограничения при определении масштаба практики (например, можно ли к социальной практике отнести образовательную программу, социальную технологию, психологическую методику, подход или научную школу).

В качестве аналога понятия «социальная практика» отечественные авторы [6] используют комплексное определение «технология социальной работы», которое можно рассматривать и как теоретический конструкт, и как процесс деятельности, отражающие содержание различных направлений социальной работы.

Однако в основе «технологии социальной работы» заложен некий внутренний механизм, определяющий сущность влияния действий специалиста на процесс изменения ситуации клиента, который в международной практике принято определять как «интервенцию» (*interventio* – вмешательство). В социально-психологической работе понятие «интервенция» используется для обозначения широкого спектра видов и форм профессионального воздействия, приводящих к изменениям в жизненной ситуации человека в желаемом направлении. Понятие «интервенция» активно используется в социальной работе, психотерапии, в консультировании, образовании, медиации, социальном проектировании и целом ряде других профессиональных направлений.

Содержание понятия «социальная практика», предложенного в Стандарте, в большей степени соответствует понятию «интервенция», чем понятию «технология социальной

Гарифулина Э.Ш., Подушкина Т.Г., Омельченко А.С.
Методологические проблемы доказательного
описания психологических и социальных практик.
Психолого-педагогические исследования. 2021.
Том 13. № 4. С. 177–188.

Garifulina E.Sh., Podushkina T.G., Omelchenko A.S.
Methodological Problems of Evidence-Based Description
of Psychological and Social Practices.
Psychological-Educational Studies, 2021. Vol. 13, no. 4,
pp. 177–188.

работы», несколько сужающему возможные области применения доказательного знания в гуманитарной практике (где «технология» – лишь одна из форм существования практик, наряду с «политикой», «подходом», «программой», «проектом» и т.п.).

Методологическая проблема границ понятия «социальная практика» отчасти была разрешена путем ее конкретизации: в Стандарте социальную практику предлагается понимать как совокупность взаимосвязанных процедур и способов профессионального воздействия, направленных на достижение заранее запланированных позитивных изменений в жизни конкретных социальных групп или общества в целом. В качестве примеров «социальных практик» можно привести широко распространенные «школа приемных родителей», «профилактика отказов от новорожденных», «постинтернатное сопровождение», «сопровождение замещающих семей» и пр.

Стандарт также предложил специалистам социальной сферы рамку для систематизации информации о практике в доказательном ключе, структуру сбора эмпирических данных и требования, позволяющие оценивать уровень доказанности результатов практики. В данной статье мы рассмотрим ряд методологических проблем, возникающих при сборе доказательной базы и описании социальных практик в доказательном ключе, основываясь на результатах апробации Стандарта в российской практике.

Программный дизайн практики

Сначала рассмотрим представления о «программном дизайне» практики. Здесь мы впервые сталкиваемся с задачей «упаковки» социальной практики в соответствии с правилами управления деятельностью, которая выступает как первый вызов в зоне междисциплинарного пересечения двух областей (практики социально-психологической помощи и практики социального проектирования). Программный дизайн предписывает ряд общих требований к описанию социальной практики в соответствии с проектной логикой: четкое определение целевых групп (благополучателей), выделение фокуса социальной проблемы и описание ожидаемых результатов.

1. Определение целевых групп

Первой трудностью, возникающей при определении границ «практики», является четкое выделение социальных групп – участников и благополучателей практики. Прямые благополучатели – это социальные группы, которые получают или получают непосредственную «пользу» благодаря реализации практики (например, кризисные семьи или подростки в трудной жизненной ситуации). Тем не менее не всегда прямые благополучатели оказываются в центре реализации практики. В зависимости от фокуса проблемы целевой аудиторией могут становиться и те социальные группы, от которых зависит благополучие первых. Это означает, что практика может быть направлена на работу с социальным окружением, институциональной средой, даже общественным мнением или правовым пространством, оказывающими значимое влияние на жизненную ситуацию благополучателей практики.

При всей видимой простоте в большинстве случаев эта задача оказывается довольно сложной даже для опытных профессионалов. Специалистам, полностью погруженным в работу с социальной проблемой, понимающим весь сложный спектр взаимосвязей разноуровневых причин и следствий, иногда не удается ясно увидеть, какие же социальные

группы в данном конкретном случае можно считать целевыми. А именно – какие конкретно категории благополучателей и участников необходимо вовлечь в работу, чтобы проблема «могла» быть решена. Ключевым фактором при определении целевых групп практики является именно «необходимость» вовлечения конкретной социальной группы для решения поставленной проблемы.

2. Выделение социального ядра проблемы

При описании практики в проектной логике также крайне важно четко определить фокус социальной проблемы. В зависимости от масштаба и ресурсов организации практика может быть направлена как на решение локальных задач благополучателей (микроуровень), так и на решение задач более глобальных (мезо- и макроуровень) [6].

Для специалистов с психолого-педагогическим «бэкграундом» сложно бывает увидеть социальные аспекты проблемы и определиться с масштабом интервенции. Тем не менее именно социальный фокус проблемы делает практику значимой и актуальной с точки зрения ожиданий общества в целом. Можно сказать, что проблемы преимущественного психологического характера остаются в зоне личной ответственности человека за благополучие его семьи, родителей, ребенка. Система же социальной помощи начинает работать в зоне социального риска, когда некоторая социально-психологическая дисфункция определенной социальной группы становится «угрозой» для благополучного существования представителей этой группы или общества в целом. Именно симптоматика социального неблагополучия оказывается в зоне внимания специалистов и является основной причиной и поводом для «входа» в ситуацию клиента и оказания помощи.

Таким образом, социальная практика должна быть ориентирована на решение конкретной актуальной социальной/психосоциальной проблемы конкретных целевых групп, находящихся в зоне возможного или уже реализовавшегося социального риска. В общей картине целого спектра причин и следствий, приводящих к реализации рисков в жизненной ситуации социально уязвимых групп, важно выделить именно те аспекты социального неблагополучия, на которые может значимо повлиять работа специалистов, реализующих практику.

3. Определение социальных результатов практики

В постановке профессиональных задач практики от ясного понимания фокуса социальной проблемы, на решение которой направлена практика, мы переходим к описанию социально значимых изменений в ситуации целевых групп, достижение которых можно с высокой долей вероятности прогнозировать после работы специалистов (формулировке «социальных результатов»). Здесь мы опять можем столкнуться с неосознаваемым конфликтом между психологическим и социальным пониманием результатов работы у практиков с разным профессиональным «бэкграундом».

Одним из инструментов, пришедших из социального проектирования, является логическая модель практики (ЛМП) [9]. При разработке ЛМП предлагается различать несколько уровней результатов социальных практик: 1 – результаты отдельных действий и активностей (мероприятий), 2 – результаты реализации комплекса деятельности в целом (запланированные изменения в ситуации целевых групп в краткосрочной и среднесрочной перспективе) и 3 – результаты социального влияния практики (ее отсроченный социальный

эффект).

Разработка ЛМП помогает увидеть и зафиксировать последовательность, масштаб и содержание изменений в состоянии и ситуации целевых групп, чтобы иметь возможность отслеживать эти изменения и подобрать адекватные инструменты сбора данных, подтверждающих эти изменения на каждом этапе реализации практики.

Иерархия результатов определяет, по сути, содержание и масштабы дальнейших интервенций. Зачастую исполнители программ не имеют четкого представления о том, какие шаги необходимо предпринять, чтобы достичь конечного результата (цели программы). Отсутствие четкого понимания существенно снижает вероятность достижения самой цели, поэтому для описания деятельности необходимо иметь четкую структуру, каркас, на который собираются все необходимые элементы. Этим каркасом может и должна выступать ЛПМ.

Доказательный дизайн практики

«Доказательный дизайн» практики предполагает разработку алгоритмов на основе анализа данных о том, насколько те или иные действия специалистов способствуют достижению позитивных изменений в ситуации благополучателей. В этой области программный менеджмент предлагает нам свои инструменты и методологию, призванные повысить вероятность достижения ожидаемых социальных изменений [21].

1. Описание механизма, составляющего суть интервенции

В этом разделе мы опять вернемся к пересечению понятий в междисциплинарном пространстве. Разработчики практик часто испытывают сложности с аналитическим обобщением сути предпринимаемых ими интервенций и лежащего в их основе механизма влияния. Иными словами, специалисты-практики испытывают сложности с описанием того, что в социальной работе называется «интервенцией», а в социальном проектировании принято называть «теорией изменений».

Впервые понятие «теория изменений» было введено Кэрол Вайсс [22], которая предложила описывать замысел программы в виде цепочки шагов, каждый из которых заканчивается достижением определенного результата. Эта цепочка должна начинаться с деятельности в рамках программы и вести к достижению ее долгосрочной цели. Такой способ описания Вайсс предложила назвать «теорией изменений» (ТИ) [5].

В отличие от логической модели, которая дает узкий практический взгляд на взаимосвязь вкладов в программу и ее ожидаемых результатов, ТИ описывает процесс запланированного социального изменения, начиная с исходных предположений и заканчивая долгосрочными целями. ТИ предлагает широкий взгляд на то, как достичь желаемых изменений, и предполагает тщательное продумывание необходимых для этого условий. Кроме перечисления действий, которые должны привести к изменениям, ТИ включает и объяснение того, как и почему эти действия приведут к желаемым изменениям [13].

2. Сбор и анализ эмпирических данных о результатах практики

Сквозной ценностью доказательного подхода является ориентация на постоянный поиск данных и их практическое использование с целью повысить эффективность оказываемой помощи. В связи с этим критически важным становится не только научная природа

имеющихся доказательств, но и их потенциал превратиться в реальные изменения.

Можно выделить два полюса мнений относительно качества доказательств [16]. Сторонники первого, более радикального, верят, что управление, основанное на доказательствах, возможно, но при наличии неуклонного следования определенным и строгим подходам. Ученые, придерживающиеся данной позиции, рекомендуют принимать решения, основываясь на результатах рандомизированных контролируемых исследований (наивысший уровень доказательности).

Апологеты второй позиции, компромиссной, считают, что грамотный подход к принятию решений заключается в использовании лучших доступных данных. По их мнению, важно учитывать неизбежно возникающие в процессе принятия решений конфликты интересов, разнообразие мнений, различные ценности, идеологические и экономические факторы.

Такое более широкое понимание легло в основу доказательного подхода в социальной сфере, где доказательная практика обычно описывается как интеграция в процессе принятия решений лучшего доступного на данный момент эмпирического базиса, экспертизы специалиста-практика и ценностей и предпочтений клиента [17].

Для изучения эффектов и результатов социальных практик используются различные виды дизайна исследований, имеющих различный статус в соответствии с представлениями о научной строгости методологии и точности полученных с ее помощью данных. Следствием иерархических представлений о научных методологиях стало убеждение ряда авторов, что практикой с эмпирически подтвержденной эффективностью можно считать лишь ту, которая продемонстрировала результаты в серии рандомизированных контролируемых экспериментов.

Многие сторонники доказательного подхода в социальной сфере сегодня отказываются от однозначной иерархии методологий, но при этом сохраняют основной принцип этого подхода – опору на научные исследования, необходимость осознанного, внимательного и индивидуализированного обращения к практикам, получившим эмпирическое подтверждение в научных исследованиях.

За последние 30 лет стратегии смешивания методов в социальных науках приобрели статус самостоятельного методологического направления [3]. «В стратегиях смешивания методов исследователь собирает и анализирует как качественные, так и количественные данные, основываясь на исследовательском вопросе; смешивает (интегрирует или соединяет) их параллельно или последовательно; рассматривает эти процедуры в рамках выбранного философского или теоретического подхода; разрабатывает уникальный исследовательский дизайн с несколькими методами» [8].

В силу своей гибкости и прикладного характера смешанная исследовательская методология является, пожалуй, наиболее практичной с точки зрения изучения результатов практики. Именно этот подход часто используется при проведении независимой оценки социальных программ. Вместе с тем планирование и проведение исследований достаточно редко сопровождают разработку и реализацию практики. Разработка исследовательского дизайна, стратегии сбора данных, подбор методов для их анализа по-прежнему вызывают затруднения у специалистов. Ситуация осложняется некоторой ригидностью и приверженностью ее представителей лишь определенным типам исследовательских

дизайнов, основанных на позитивистской эпистемологии и использовании преимущественно количественных измерений, что не всегда применимо для исследования эффектов социальных практик.

Заключение

Как любой парадигмальный сдвиг внедрение ДП в социальную сферу требует времени, популяризации и преодоления сопротивления. Однако новые возможности, которые открывает ДП, оправдывают те усилия, которые прикладываются сейчас и будут приложены в будущем. Отбор и масштабирование программ и практик социальной и психологической помощи детям и семьям на основе ДП позволит выбрать наиболее эффективные практики, а значит, сделать помощь еще более адресной и индивидуализированной в соответствии с нуждами благополучателей.

Внедрение в социальную сферу доказательного подхода становится новым вызовом для сотрудничества социальной науки и социальной практики. Проведение оценочных исследований проектов постепенно становится той зоной, где диалог науки и практики наиболее возможен.

Описанные в статье методологические проблемы доказательного описания психологических и социальных практик показывают, в первую очередь, ту значительную работу, которая уже проведена, и обозначают направления, которые в наибольшей степени нуждаются в поддержке профессионального сообщества.

Внедрение в социальную сферу доказательного подхода невозможно без дополнительных усилий и вложений. Но когда методы доказательного обоснования социальных практик войдут в «базу» обязательных профессиональных навыков специалистов сферы детства, тогда, согласно Томасу Куну, парадигмальная «революция» перейдет в фазу «нормальной науки», институционализирует процессы, которые уже изменили структуру и приоритеты проблемного поля, определив новый вектор развития в социальной сфере – переход к доказательному подходу.

Литература

1. Бусыгина Н.П., Подушкина Т.Г., Станилевский В.В. Доказательный подход в социальной сфере: основные понятия и принципы, история, перспективы [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2020. Том 1. № 1. С. 8–26. DOI:10.17759/ssc.2020010101
2. Бусыгина Н.П. Научный статус методологии исследования случаев // Консультативная психология и психотерапия. 2009. Том 17. № 1. С. 5–29.
3. Савинская О.Б., Истомина А.Г., Ларкина Т.Ю., Круглова К.Д. Концептуальные представления о стратегиях «смешивания методов» (mixed methods research): этапы развития и современные дискуссии [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 21–29. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jid=6309&jn=socis&printmode (дата обращения: 15.12.2021).
4. Стандарт доказательности социальных практик [Электронный ресурс] // Федеральная платформа обмена практиками СМАРТЕКА. Агентство стратегических инициатив. 2021. URL: https://smarteka.com/files/Стандарт_доказательности_социальных_практик.pdf (дата обращения: 15.12.2021).

Гарифулина Э.Ш., Подушкина Т.Г., Омельченко А.С.
Методологические проблемы доказательного
описания психологических и социальных практик.
Психолого-педагогические исследования. 2021.
Том 13. № 4. С. 177–188.

Garifulina E.Sh., Podushkina T.G., Omelchenko A.S.
Methodological Problems of Evidence-Based Description
of Psychological and Social Practices.
Psychological-Educational Studies, 2021. Vol. 13, no. 4,
pp. 177–188.

5. Кошелева Н.А., Кузьмин А.И. Теория изменений: общие рекомендации к применению (из опыта БДФ «Виктория»), М.: Изд-во «Прспект», 2014. 61 с.
6. Фирсов М.В., Студенова Е.Г. Технология социальной работы: учебник. М.: КНОРУС, 2016. 344 с.
7. Anderson A.A. Theory of change as a tool for strategic planning. A Report on Early Experiences: The Aspen Institute Roundtable on Comprehensive Community Initiatives. 2004.
8. Creswell J. Controversies in mixed methods research // The Sage handbook of qualitative research. Ed. by N. Denzin. Thousand Oaks, Calif.: Sage, 2011.
9. Evidence-Based Practice in Psychology // American Psychologist. 2006. Vol. 61(4). P. 271–285.
10. Gambrill E.D. Evidence-based practice: Sea change or emperor's new clothes // Journal of Social Work Education. 2003. Vol. 39. P. 3–23.
11. Gibbs L.E. Evidence-Based Practice for the Helping Professions: A Practical Guide with Integrated Multimedia. Pacific Grove, CA: Brooks / Cole-Thompson Learning, 2003. 292 p.
12. Gilgun J. The four cornerstones of evidence-based practice // Research on Social Work Practice. 2005. Vol. 15(1). P. 52–61.
13. Mapping change: Using a theory of change to guide planning and evaluation // GrantCraft. 2006.
14. Gray M., Plath D., Webb S. Evidence-Based Social Work: A Critical Stance. London: Routledge, 2009. 240 p.
15. Jacobs J., Jones E., Gabella B., Spring B. & Brownson R. Tools for Implementing an Evidence-Based Approach in Public Health Practice. Preventing Chronic Disease. 2012. DOI:10.5888/pcd9.110324
16. Head B. Toward More “Evidence-Informed” Policy Making? // Public Administration Review. 2015. Vol. 76. No. 3. DOI:10.1111/puar.12475
17. McNeece C.A., Thyer B.A. Evidence-based practice and social work // Journal of Evidence-Based Social Work. 2004. Vol. 1(1). P. 7–25.
18. Miller S., Rudnick L. A Framework Document for Evidence-Based Programme Design on Reintegration. United Nations Institute for Disarmament Research Geneva, Switzerland. 2012. URL: <http://https://www.unidir.org/files/publications/pdfs/a-framework-document-for-evidence-based-programme-design-on-reintegration-396.pdf> (Accessed 15.12.2021).
19. Mullen E.J., Streiner D.L. The evidence for and against evidence-based practice // In Roberts A.R., Yeager K.R. (eds.). Foundations of Evidence-Based Social Work Practice. New York: Oxford University Press, 2006. P. 21–34.
20. Roberts A.R., Yeager K.R. (Eds.). Foundations of Evidence-Based Social Work Practice. New York: Oxford University Press, 2006. 440 p.
21. US Department of Health and Human Services. Implementation Resource Guide for Social Service Programs: An Introduction to Evidence-Based Programming. 2011. URL: <https://www.fatherhood.gov/research-and-resources/implementation-resource-guide-social-service-programs-introduction-evidence-based> (Accessed 15.12.2021).
22. Weiss C.H. Nothing as Practical as Good Theory: Exploring Theory-based Evaluation for Comprehensive Community Initiatives for Children and Families. In James Connell et al. (Ed.), New Approaches to Evaluating Community Initiatives: Concepts, Methods, and Contexts. Washington, 1995. DC: Aspen Institute.

Гарифулина Э.Ш., Подушкина Т.Г., Омельченко А.С.
Методологические проблемы доказательного
описания психологических и социальных практик.
Психолого-педагогические исследования. 2021.
Том 13. № 4. С. 177–188.

Garifulina E.Sh., Podushkina T.G., Omelchenko A.S.
Methodological Problems of Evidence-Based Description
of Psychological and Social Practices.
Psychological-Educational Studies, 2021. Vol. 13, no. 4,
pp. 177–188.

References

1. Busygina N.P., Podushkina T.G., Stanilevskij V.V. Dokazatel'nyj podhod v social'noj sfere: osnovnye ponyatiya i principy, istoriya, perspektivy [Evidence-Based Approach in the Social Area: Basic Concepts and Guidelines, History, Prospects]. *Sotsial'nye nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2020. Vol. 1, no. 1, pp. 8–26. DOI:10.17759/ssc.2020010101 (In Russ.).
2. Busygina N.P. Nauchnyj status metodologii issledovaniya sluchaev [Scientific status of case study methodology]. *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya = Counseling psychology and psychotherapy*, 2009, no. 1, pp. 5–29. (In Russ.).
3. Savinskaya O.B., Istomina A.G., Larkina T.YU., Kruglova K.D. Konceptual'nye predstavleniya o strategiyah «smeshivaniyh metodov» (mixed methods research): etapy razvitiya i sovremennye diskussii [Conceptual ideas about the strategies of "mixed methods research" (mixed methods research): stages of development and modern discussions]. *Sociologicheskie issledovaniya [Sociological research]* 2016, no. 8, pp. 21–29. Available at: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jid=6309&jn=socis&printmode (Accessed 15.12.2021). (In Russ.).
4. Standart dokazatel'nosti social'nyh praktik [Standard of evidence-based social practices]. *Federal'naya platforma obmena praktikami SMARTEKA. Agentsvo strategicheskikh iniciativ [SMARTEKA platform for sharing best practices. Agency for Strategic Initiatives]*. Available at: https://smarteka.com/files/Стандарт_доказательности_социальных_практик.pdf (Accessed 15.12.2021). (In Russ.).
5. Kosheleva N.A., Kuz'min A.I. Teoriya izmenenij: obshchie rekomendacii k primeneniyu (iz opyta BDF «Viktoriya») [Theory of changes: general recommendations for use (from the experience of the Victoria Charitable Foundation)]. Moscow, *Prospect*, 2014. (In Russ.).
6. Firsov M.V., Studyonova E.G. Tekhnologiya social'noj raboty: uchebnyk [Technology of social work: textbook]. Moscow: *KNORUS*, 2016. 344 p. (In Russ.).
7. Anderson A.A. Theory of change as a tool for strategic planning. A Report on Early Experiences. New York: *The Aspen Institute Roundtable on Comprehensive Community Initiative*, 2004. 32 p.
8. Creswell J. Controversies in mixed methods research. *The Sage handbook of qualitative research*. Denzin N. (ed.). Thousand Oaks, Calif.: *Sage*, 2011.
9. Evidence-Based Practice in Psychology. *American Psychologist*, 2006. Vol. 61(4), pp. 271–285.
10. Gambrill E.D. Evidence-based practice: Sea change or emperor's new clothes. *Journal of Social Work Education*, 2003. Vol. 39, pp. 3–23.
11. Gibbs L.E. Evidence-Based Practice for the Helping Professions: A Practical Guide with Integrated Multimedia. Paific Grove, CA: *Brooks in Cole-Thompson Learning*, 2003. 292 p.
12. Gilgun J. The four cornerstones of evidence-based practice. *Research on Social Work Practice*. 2005. Vol. 15(1), pp. 52–61.
13. Mapping change: Using a theory of change to guide planning and evaluation. *GrantCraft*. 2006.
14. Gray M., Plath D., Webb S. Evidence-Based Social Work: A Critical Stance. London: *Routledge*, 2009. 240 p.
15. Jacobs J., Jones E., Gabella B., Spring B. & Brownson R. Tools for Implementing an Evidence-Based Approach in Public Health Practice. *Preventing Chronic Disease*. 2012. DOI:10.5888/pcd9.110324
16. Head B. Toward More “Evidence-Informed” Policy Making? *Public Administration Review*. 2015. Vol. 76, no. 3. DOI:10.1111/puar.12475
17. McNeece C.A., Thyer B.A. Evidence-based practice and social work. *Journal of Evidence-Based Social Work*. 2004. Vol. 1(1), pp. 725.
18. Miller S., Rudnick L. A Framework Document for Evidence-Based Programme Design on Reintegration. *United Nations Institute for Disarmament Research Geneva, Switzerland*. 2012. URL:

Гарифулина Э.Ш., Подушкина Т.Г., Омельченко А.С.
Методологические проблемы доказательного
описания психологических и социальных практик.
Психолого-педагогические исследования. 2021.
Том 13. № 4. С. 177–188.

Garifulina E.Sh., Podushkina T.G., Omelchenko A.S.
Methodological Problems of Evidence-Based Description
of Psychological and Social Practices.
Psychological-Educational Studies, 2021. Vol. 13, no. 4,
pp. 177–188.

<http://https://www.unidir.org/files/publications/pdfs/a-framework-document-for-evidence-based-programme-design-on-reintegration-396.pdf> (Accessed 15.12.2021).

19. Mullen E.J., Streiner D.L. The evidence for and against evidence-based practice. In Roberts A.R. (eds.), *Foundations of Evidence-Based Social Work Practice*. New York: Oxford University Press, 2006, pp. 21-34.

20. Roberts A.R., Yeager K.R. (eds.), *Foundations of Evidence-Based Social Work Practice*. New York: Oxford University Press, 2006. 440 p.

21. US Department of Health and Human Services. Implementation Resource Guide for Social Service Programs: An Introduction to Evidence-Based Programming, 2011. URL: <https://www.fatherhood.gov/research-and-resources/implementation-resource-guide-social-service-programs-introduction-evidence-based> (Accessed 15.12.2021).

22. Weiss C.H. Nothing as Practical as Good Theory: Exploring Theory-based Evaluation for Comprehensive Community Initiatives for Children and Families. In Connell J. (eds.), *New Approaches to Evaluating Community Initiatives: Concepts, Methods, and Contexts*. Washington, 1995. DC: Aspen Institute.

Информация об авторах

Гарифулина Эльвира Шамильевна, кандидат социологических наук, руководитель программ Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко, доцент кафедры юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4306-3899>, e-mail: egarifulina@timchenkofoundation.org

Подушкина Татьяна Геннадиевна, психолог, руководитель сектора «Центр доказательного социального проектирования», ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5966-8342>, e-mail: poduschkina@mail.ru

Омельченко Александра Сергеевна, кандидат психологических наук, руководитель программы Благотворительного фонда «Дети наши» (БФ «Дети наши»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0028-4440>, e-mail: agerasimova22@yandex.ru

Information about the authors

Elvira Sh. Garifulina, PhD in Sociology, Program Manager of the Elena & Gennady Timchenko Foundation, Associate Professor of the Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4306-3899>, e-mail: egarifulina@timchenkofoundation.org

Tatyana G. Podushkina, Psychologist, Head of the Sector «Center for Evidence-Based Social Design», Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5966-8342>, e-mail: poduschkina@mail.ru

Alexandra S. Omelchenko, PhD in Psychology, Charity found «Our children», Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0028-4440>, e-mail: agerasimova22@yandex.ru

Получена 10.12.2021

Принята в печать 15.12.2021

Received 10.12.2021

Accepted 15.12.2021